

Школа. Кабинет директора. За окном проливается небо. Медленно, нехотя, из последнего своего отчаяния, последними своими слезами. Скоро стянет его тупым безразличием – скоро зима. А пока бусины дождя окутывают голые ветки, дрожат на ветру, дорожат мгновением перед вечностью. Им в вечность не хочется, им хочется блеснуть, переливаться – быть.

Насте тоже хочется быть. Смеяться, плакать, сходить с ума, выкарабкиваться из сумасшествия, ненавидеть, любить. Насте есть кого любить – она любит физика Дмитрия Сергеевича Миркина. Насте есть кого ненавидеть – она ненавидит директора школы, завуча, социального педагога, школьного психолога и учительницу русского языка и литературы Агнессу Эдуардовну Дрыкину. Насте есть над чем смеяться, есть отчего плакать, у нее тысяча поводов для безумия – ее жизнь могла бы быть глубока и полна, но жить ей не дают.

– Объясни, почему ты порезала вены? – нависает над ней психолог.

– Потому что хочется жить, – вздыхает Настя.

– Видите, она над нами издевается, – кивает Настинной маме социальный педагог.

Та проклинает себя за то, что нельзя провалиться сквозь землю силой мысли, нервно щелкает авторучкой.

– Настя, как ты собираешься исправлять двойку по литературе? – вскидывается Дрыкина. Она смотрит на Настю, вращая безобразно-желтыми белками, – глаза у нее как у тухлой рыбины.

Настя ежится, отводит взгляд.

Дрыкина переключается на ее мать:

– Она не сдала ни одного сочинения, ни одного стихотворения, ни...

– Я сдавала, – устало отвечает Настя. – Я и сейчас могу... «С утра садимся мы в телегу; мы рады голову сломать и, презирая лень и негу, кричим: “Пошел! Е...”».

– Прекрати! – перебивает завуч.

– Настя! – умоляюще вскрикивает мама. Лицо ее фиолетово-серо, под глазами черная тревога. Впрочем, это, наверное, от агрессивного света люминесцентных ламп.

– Наслушаются всяких Фейсов с Фараонами, – морщится директриса, – этих рэперов-матерщинников.

– Это Александр Сергеевич, – уточняет Настя. – Наше все. Солнце русской поэзии.

– Настя-я-я! – мама чуть не плачет.

Жалко ее, конечно.

– Распишитесь, – директриса подсовывает матери протокол совета по профилактике. Мама, подавляя всхлип, оставляет на бумаге робкую загогулину.

Жалко ее. Жалко всех. Но себя жальче.

Улица. Над головой – грязное небо, уже выплаканное, дождь кончился, под ногами – тоже грязное небо, беспомощное, можно топтать ногами. Пахнет гниющими яблоками и вообще умиранием.

– Почему, почему ты стала такая, Настя? – причитает идущая рядом мама.

– Потому что тоска, – пожимает плечами Настя.

– Но отчего тебе скучно? Все так стараются, мы всё делаем для тебя, и покупаем, и ездили недавно в...

– Это не скука, мама, это тоска.

Они проходят мимо пруда, идут по дорожке Александровского парка. Если бы было сухо и тропинку устилали бы листья, можно было бы ими шуршать или набрать букет, и на душе стало бы немного теплее – как-то, что ли, оранжеее. Но в воздухе хмарь, а листья собраны в черные трупные мешки, что уродуют пейзаж на обочинах.

– Я думаю, они правы, это все интернет, – заключает мама. – Суицидальные паблики, «Синий кит». Вот и Юля тоже.

– У Юли не «Синий кит», у нее – синий отчим. Синий от водки и от наколок. С таким бы любая выпилилась.

– Не говори так, слава богу, она жива.

– Если б я была Богом, я б от такой славы себе удавилась.

– Ты и так чуть... – На глазах у мамы появляются слезы.

– Не плачь, мама, не чуть. Я не собиралась. И я не для того, чтобы привлечь внимание. Я только немножко, капельку самую хотела побыть на краю, чтобы почувствовать... почувствовать что-то настоящее. Это не от отрицания жизни, а наоборот. И перевязалась я не потому, что испугалась, я заранее знала, что остановлюсь. Но это глупо, конечно, ужасно глупо. Это как с теми дурочками, что рисуют лезвием ромбы и сердца на запястьях. Хотя все и не так. Я больше не буду. Прости.

Мама с силой сжимает Настину руку.

Жалко ее. И себя жалко.

Дом. Обволакивающее тепло, слабый свет в прихожей, оливковые занавески в кухне, тихо шипит чайник – во всем иллюзия уюта. Настя помогает маме разобрать пакеты из супермаркета. Мама разбирает сумку: ключи, пачка салфеток, документы... лист протокола совета по профилактике. Последний вспархивает как-то непрошено, даже нагло, приземляется укоризненно на пол.

– А ведь это уже второй, – грустно замечает мама. – После третьей такой бумажки отчисление, Настя.

– Я знаю, мама, ради бумажки все и затевалось. Вот, мол, провели совет, поставили на школьный учет, по средам у девочки – психолог, по четвергам – соцпедагог, типа приняли меры. Но ведь не приняли же. Это только чтоб вопросов потом к ним не было, когда они решат окончательно от меня избавиться. А избавиться они хотят, чтоб не портить статистику. Боятся, что я не сдам ОГЭ.

– Но ведь ты сдашь!

– Конечно, мама. Что я, совсем дура? И учителя знают, что не дура. Но я неблагонадежная.

А мама качает головой.

– Но мир таков, – говорит она. – Мир не идеален. Нельзя же быть такой, такой... словно совсем без кожи. Если каждое прикосновение с реальностью больно, нужно же что-то делать. Надо взять себя в руки. Необходимо...

Бесконечные «нужно», «надо», «необходимо», «должна» обступают Настю со всех сторон. Насте тошно.

– Мне тоже многое не нравится, – продолжает мама. – Мне тоже многое кажется бессмысленным, но все же... Знаешь... Пусть это нелепо, бесполезно, примитивно, но я, пожалуй, отберу у тебя телефон на время и интернет отключу, на ноутбуке сможешь только печатать. Я не знаю, что еще предпринять, не пороть же тебя.

– Как хочешь, мама.

Настя старается остаться невозмутимой, покорить хоть одно из множества «надо», но душа не выдерживает, вскипает. Хлопает дверь. А миру хоть бы что, только пыль, потревоженная на свету, мерцает. Да и та оседает обратно.

Комната. Настя в апатии лежит на кровати под детским покрывалом с мишками, лениво водит пальчиком по сенсорному экрану смартфона. Этот мобильник она «похерила где-то в парке» еще в конце восьмого класса. Не специально, не от хитрости, телефон правда тогда потерялся, просто потом нашелся, а мама как раз уже успела отобрать в наказание новый. Вот Настя и предпочла не рассказывать о находке.

Настя листает ленту. Белкин постит смешные картинки, Киреева – фотки с развевающимися волосами, Краевская – селфи на тридцатиэтажке, Гусев – видосы с прохождением игр, Королев – многозначительные, будто бы философские статусы. Господи, как это все уныло. Насте хочется в знак протеста отдать и этот мобильник маме. Хочется забыться и уснуть.

Настя не успевает выйти из сети, блямкает сообщение. Пишет Ленка из параллельного 9-го «Б».

«Гоу гулять».

«Я наказана», – печатает Настя.

«Сбеги, вылезь из окна. Ну, как летом».

«Не хочу».

«Ну плиз. С нами Тони и Семечко. Сема соскучился по тебе, весь извелся».

«По... на него».

«Ну и дура. Строишь из себя...»

Настя пытается представить, от чего она отказывается. Допустим, она сбежала, допустим, они сидят у пруда на ивах. Ивы красивые, изящные – такие, словно танцевали, переплетаясь друг с другом, и замерли. Под ивами – чернота, в которой ничего не отражается. Наклонишься над водой, как над зеркалом, и ничего не видишь, омут присваивает тебя, ничего тебе не возвращая. И жутко. И маняще. Но все рассыпается.

Какой-то хохот, какие-то дикие звуки несутся из переносных колонок. Слова подхватываются ломающимися подростковыми голосами: «Еду в магазин “Гуччи” в Санкт-Петербурге», «Мальчики и девочки любят бухать», «Я роняю Запад, я роняю Запад, я роняю Запад». Боже!

Ну и Семечко, конечно. Пашка Семакин из 10-го «А». Подкатывает. Подбирается к Насте неуклюже-развязно. От его развязности – противно, от неуклюжести – смешно. Он все время хочет Насти коснуться. То как бы ненароком и легонько, то дерзко и почти больно. Настя ускользает. Но играть эту роль утомительно. Пашку жалко. Но себя жальче.

«Семакин любит тебя», – пишет Ленка.

«А я люблю другого», – отвечает Настя.

«А другому на тебя по... У вас никогда ничего не будет».

Что ж, может, все самое прекрасное в жизни именно неслучившееся? Все искусство – тоска по идеалу. Художник воплощает всегда то, чему не сбыться в пошлой действительности. Или музыка. У кого-то в статусе на страничке было: «Музыка – это чувства, которые не сбылись в реальности». Разве в обыденности возможен Шопен?

Настю одолевает сон. Насте в нем хорошо. Насте снится физик Дмитрий Сергеевич Миркин. И он во сне ведет литературу. Он как будто бы на замене. Хотя физики, конечно, не заменяют лириков, но во сне можно. Вот Дмитрий Сергеевич... Дима берет методичку, оставленную для него Дрыкиной, изучает, хмурится, мешкает, сквозь зубы диктует что-то про «лишнего человека», вроде как это такая тема. Потом он читает, что «цель занятия – сформировать у учащихся универсальные учебные действия, направленные на развитие духовно-нравственной позиции через компетентностно-деятельностный подход». Дмитрий Сергеевич осознает прочитанное и взрывается, как жидкий азот в воде.

– Нет, – отшвыривает он брошюру Дрыкиной, – относительно далеко не все! Скорость света, например, абсолютна. И глупость – она глупость и есть, а не в зависимости от того, как посмотреть. Я всякой фигне вас учить не буду.

А потом все исчезают из класса, остаются только Настя и он – Дима. И он читает ей Хемингуэя. Она чуть дрожит от смущения и счастья, а он – спокоен, уверен и ясен. Он ведет ее в мир неслучившегося.

В этом мире – запах примятого вереска, и колкие изломы стеблей у нее под головой, и яркие солнечные блики на ее сомкнутых веках... и мир, красный, оранжевый, золотисто-желтый от солнца, и такого же цвета все: полнота, обладание, радость – все такого же цвета, все в такой же яркой слепоте.

Пробуждение. За окном очертания елок, голые бере-
зы как призраки. В небе висит луна. Луна похожа на варен-
ый желток – такая жалкая, вот-вот раскрошится. И весь
мир такой хрупкий и немощный, что больно жить.

Настя ищет в ногах смартфон. Ей кажется, она знает,
что делать, знает, как придать миру прочности. Только
бы решиться, только бы хватило духу. Ведь это неправ-
да про неслучившееся. Ничего прекрасного в этом нет.
Вообще ничего нет. Все жаждет быть – осуществиться,
утвердиться, произойти. И Насте отчаянно хочется быть.
Дышать, чувствовать – жить.

Настя открывает страничку Димы. Дмитрия Сергееви-
ча Миркина. Переходит в личные сообщения. Печатает.
Стирает. Снова печатает. Опять стирает. Злится. Ну что
она – как Таня Ларина? Таня Ларина – дура. «Я к вам пишу –
чего же боле? Что я могу еще сказать?» В том и суть, что
ничего, все и так сказано. За ту, которая любит, все гово-
рят глаза, жесты, плавность движений, ломкость голоса.
И тот, кого любят, все видит, все чувствует. И если он не
распахивается навстречу, значит, нечем ему распахнуть-
ся, значит, не резонировало, не судьба, значит.

Только Диме нельзя распахнуться. Нельзя, потому что
он Дмитрий Сергеевич. Потому что морально-этические
всякие кодексы, потому что он учитель, а она – ученица.
Потому что пятнадцать и двадцать три плохо сочетаются.
С точки зрения нравственности. Вот восемнадцать и двад-
цать шесть – нормально, двадцать два и тридцать – еще
лучше, а пятнадцать и двадцать три не стыкуются без об-
щественного осуждения. Но разве он боится обществен-
ного суда? Того, что завуч его застыдит? Того, что дирек-
тор его уволит? Не может быть. Нет, дело не в нем. В ней.
Он должен думать о ней. Опять «должен». А впрочем...

Настя думает, что она слишком много думает. Она все
размышляет, а надо действовать. Но действовать не полу-

чается – Настя как парализованная. Только на мониторе сами собой мелькают картинки. Вот Дима перед защитой диплома – веселый и смелый, бабочку нацепил в горошек для прикола. Вот он дает открытый урок, на который пригласил в коробке кота Барсика Шрёдингеровича, ребята смеются, члены комиссии в шоке. Вот он острит про микроволновочное мышление и ЕГЭ. Вот выкладывает петицию против бумажной бюрократии в школах. А вот постит статью про физику Бетховена, Вивальди, Шопена – что-то про герцы, высокочастотность, бета-ритмы. Это он зря, конечно. Это не то, что стоит анализировать.

Настя переходит в его плей-лист, надевает наушники. Капли дождя. Зима на Майорке. Фредерик и Аврора. Тревога и радость. Боль и надежда. Жизнь и смерть. И рука пишет сама.

«Я вас люблю».

Три слова.

Девять букв.

Ощущение непоправимого.

А он не спит. И в окошке на мониторе мигают три прыгающие голубые точки. «Дмитрий печатает вам сообщение». В неслучившееся больше не убежать. Случилось.

Утро. Раскаяние. Паника. Требовательные крики матери.
– Настя, сколько можно, вставай.

Настя встает. Умывается, тщетно пытаюсь смыть с лица выражение стыда и страха, одевается, собирает ранец. Настя запрещает себе мыслить и чувствовать, запрещает себе быть.

– Настя, поешь.

– Не хочу, поехали.

Серая дорога, серые деревья в алюминиевой проволоке веток, серое ртутное небо. Серая школа виднеется впереди.

– Мама, – Настя не выдерживает. – Мама, пожалуйста, можно я не пойду сегодня? Мне плохо, я заболела.

Настя пытается кашлять. Настя силится покраснеть, побелеть, позеленеть.

– Настя, перестань.

– Мама, ну хоть первый урок давай прогуляем. Погуляем по Орловскому парку, поговорим. Психолог сказала, что со мной надо больше разговаривать.

– Что у вас первым уроком?

– Физика!

– Понимаю, – вздыхает мама. – Тоже никогда не любила. Какие-то цепочки, электроды, волны, атомы. Не любила и не понимала. Но нам нельзя прогуливать, Настя. Хоть я тебе и сочувствую.

– Не сочувствуешь!

И мама проводит ее прямо в школу. И ждет у гардероба. И поднимается с ней на третий этаж. И ведет до кабинета. Гребаный стыд.

Урок. «Это будет тебе уроком», – вертится в Настинной голове. В горле першит, в груди – жар. Настя чувствует, как лицо ее покрывается нервными пятнами. А Дима... Дмитрий Сергеевич как ни в чем не бывало ведет занятие. Как ни в чем не бывало обращается к ней.

– Настя, чему равно сопротивление проводника?

Она поднимает глаза, молчит, смотрит, хочет понять. Его лицо – это лицо мученика? Или его лицо – это лицо просветленного? Или его лицо – это лицо палача? Он зол? Смущен? Великодушен? Ничего не читается.

– Я не знаю, чему равно сопротивление проводника, но оно слабее, чем сопротивление проводницы.

Класс взрывается хохотом. Настя прикусывает язык. Дура.

– Простите, Ди... Дмитрий Сергеевич, я не хотела, честно. Я просто слышала, как в учительской вы шутили... про

проводники. Черт... Я не собиралась. Я вас не троллю... Мне нужно выйти.

Настя выбегает, успевая услышать просьбу Дмитрия Сергеевича задержаться после урока. Успевая понять, что это конец.

Туалет, раковина, над раковиной – треснутая квадратно-голубая плитка, выше – зеркало. Настя вглядывается в отражение и не узнает себя. Незнакомая девушка, глядящая на нее, странно красива. Бледна, но прекрасна. Настя не может быть ею, она должна быть раздавленной, убитой, лик ее должен быть страшен. Настя даже завидует. Завидует ясному взгляду голубых глаз, загадочной полуулыбке. Припоминается что-то про полуулыбку, полуплач, полувосторг, полуиспуг. Настя, не веря отражению, горько вздыхает.

Звонок. Настя возвращается в кабинет так, словно идет на Голгофу.

Садится напротив Димы, но на него не смотрит, она пытается остановить взгляд то на плакате, иллюстрирующем второй закон термодинамики, то на схемах электрических цепей, то на маятнике, но взгляд блуждает, блуждает, блуждает. Невыносимо. Настя пробует эту невыносимость заговорить, она, не помня себя, тараторит. Тихо, сбивчиво, но – боже, боже! – несет такое!

– Дмитрий Сергеевич, это вышло само, я не хотела. Нет, это не шутка и не провокация, но я знаю, что не должна была. Это, наверное, все нервы, стресс, вот все прорывается. Я пожалела сразу, как вам написала, ну как пожалела, чуть с ума не сошла. Умру, думала. Не в том смысле пожалела, что это ложь, а в том, что это пра... Но ведь это всего лишь три слова, девять букв, я считала... то есть... Что я несу? Господи, Ди... Дмитрий Сергеевич, не мучайте меня. Я больше ничего не напишу, я даже

страницу удалила, увидела, как вы печатаете ответ, и сразу удалилась.

– А зря, – тихо говорит Дмитрий Сергеевич.

– В смысле? – Настя замирает. Настя забывает, как дышать. – Что вы мне написали в ответ?

– Я написал... я написал... – В его русских ресницах гуляет солнце, в глазах блики. – Но я, в общем, тоже не должен был этого писать. Ты же все понимаешь, Настя. Ты все видишь и чувствуешь глубже и острее других, поэтому, – он замолкает, выдыхает. – Ты все понимаешь, Настя.

– Не может быть! – радуется все понимающая и все понявшая Настя. – Дмитрий Сергеевич, этого не может быть! А можно я физику буду сдавать?

– Конечно, – потерянно улыбается он.

– А у нас будут консультации?

– Да, у меня по средам электив.

– А можно индивидуально? Мне так много надо узнать. Про физику. Про силу притяжения, силу трения, про ток. Знаете, внутри меня все время какой-то ток и тянет, так тянет... Еще про взаимодействие тел. Да, сила трения и взаимодействие тел. И разные опыты, эксперименты.

Настя говорит и как будто слышит себя со стороны. А слыша, сама себе ужасается. Откуда в ней эта двусмысленность, пошлость, дерзость? Но, даже ужасаясь себе, Настя не в силах остановиться:

– Индивидуальные занятия – это ведь лучше, чем если бы я напивалась и накуривалась в нехорошей компании?

– При чем здесь...

– Не перебивайте меня. Я все знаю. Меркушева из тридцать четвертого лица рассказывала, как в прошлом году она чуть не пропустила экзамен, потому что затусила в каком-то притоне на Дашкевича, а вы узнали и пришли прямо туда и чуть ли не за волосы ее вытащили и привели на экзамен.

– И она все равно завалила.

– А если бы вы меня вытащили, я б не завалила, Дмитрий Сергеевич. Я бы так вам благодарна была, вы не представляете, я бы каждый вечер в тот притон приходила, чтоб вы меня утром вытаскивали. Я бы на спидах сидела, чтоб вы меня вразумляли.

– Настя!

– Я знаю, все знаю. Я дура. Меня несет. Простите. Я буду ходить на электив вместе с другими.

– Приходи, Настя.

– Приду.

– Приходи.

– Приду.

– При...

– А вы? Вы почему не пришли ко мне? – вдруг решает обидеться Настя. – Почему вы не пришли на мой совет по профилактике?

– Так ведь я и не знал, – разводит руками Дмитрий Сергеевич. – Мне не говорили. Говорят тем, у кого претензии к ученику. А у меня к тебе претензий нет, ты умная и талантливая. И на совет же ругать приходят.

– А вы пришли бы и похвалили.

– И правда. Прости, Настя, я не подумал. В следующий раз приду обязательно!

– Следующего раза не должно быть.

– Значит, не приду!

– Спасибо, – шепчет Настя. – Спасибо вам, Дмитрий Сергеевич, за все.

И Настя, что-то насвистывая, напевая, намурлыкивая, вылетает из кабинета. Напоследок она успевает показать язык картонному Эйнштейну.

Она летит по коридору счастливая, как ребенок. Она и есть ребенок. Обласканный, любимый ребенок. И мир

распахнут ей, мир хочется обнять и не выпускать из рук. Впереди мир воплощается в фигуре директрисы. Директриса грозно цокает каблуками, Цербером смотрит по сторонам – ищет, кого бы выловить из потока и отчитать за отсутствие формы, за неподобающий вид. А Настя как раз в джинсах и толстовке с пингином. Настя радостно бросается к директрисе.

– Наталья Александровна! – орет она со всей дури. – Я решила встать на путь исправления! Я определилась с экзаменами по выбору и начала готовиться!

– И что же ты выбрала? – спрашивает ошарашенная директриса.

– Физику. – Настя делает на выдохе паузу, а после с придыханием продолжает: – И литературу!

– Литературу?! – У директрисы вырывается нервный смешок. – А как же Агнесса Эдуардовна? Она вообще в курсе? Она согласна?

– Ах, она плакала! Так была растрогана, – вдохновенно врет Настя. – Мы даже обнялись. И хвосты я сдала. Хотите, докажу? Хотите, расскажу стихотворение? «Быть как стебель и быть как сталь в жизни, где мы так мало можем, шоколадом лечить печаль и смеяться назло проходим!»

– Земфира, что ли?

– Цветаева!

– Ну-ну. Молодец. И кофточка у тебя веселенькая. Беги.

Настя хохочет весенне-звонким, пушисто-одуванчиковым смехом. Настя лучезарно улыбается наблюдающему за сценой и немного от этой сцены отъезжающему Семанову. Настя могла бы его даже поцеловать. Как брата. Как будто братья – это все люди вообще. И плевать, что мир будет зол, черен и полон одиночества уже этой ночью. И плевать, что директриса столкнется с Дрыкиной уже через две минуты...

Проходит месяц. Все почти хорошо. Более-менее. По средам – счастье, по четвергам – грусть. Но грусть не тоска. Скандал с Дрыкиной пережит и забыт. Агнесса Эдуардовна, конечно, встала в позу, объявила, что готовить Настю к ОГЭ не будет, но Насте от этого только легче – она умеет скачивать демоверсии из интернета.

Проходит четверть. И все опять почти хорошо. По средам – счастье, по четвергам – Дрыкина. Зловредность ее зашла так далеко, что она сама настояла, чтоб Настя ходила к ней на элективку. В дневнике среди итоговых ни одной двойки, только отложенная аттестация по физкультуре. Впереди – Новый год, каникулы. Дмитрий Сергеевич уезжает куда-то на Урал, откуда родом. Шлет ей открытки и задачи повышенной сложности.

Проходит зима. Все просто прекрасно. Пробные экзамены по физике и литературе Настя сдает на отлично. Дрыкина зеленеет, ее даже чуть не госпитализировали на нервной почве. Дмитрий Сергеевич несказанно горд, он даже потерял бдительность – по средам после электива он провожает Настю домой. Каждый раз как бы случайно. Каждый раз потому, что ему будто бы по пути. Каждый раз они идут через парк, дышат прелой прошлогодней травой, хвоей, талой водой. Весна кружит им головы. Март провоцирует на разговоры, совсем не относящиеся к физике.

– Скажите, Дмитрий Сергеевич, а вот эти два с половиной года, ну, которые мне еще предстоит учиться, у вас ведь будет личная жизнь? – спрашивает Настя, теребя газовый шарфик.

– Пожалуй, – честно соглашается он.

– Но ведь это же, – вспыхивает Настя, – это...

– Всего лишь аморально, – подсказывает Дмитрий Сергеевич.

– Но, но, но...

– Но это менее аморально, чем совращение несовершеннолетних. А ты можешь пока гулять с Семакиным.

В Дмитрия Сергеевича летит грязно-мокрый снежок. Потом еще. В шею, в затылок, в щеку. Щеки его горят. Настя смеется, чтобы не плакать.

Наступает последняя четверть. Все вроде бы хорошо, но как-то беспокойно. Воздух какой-то предгрозовой. Наверное, начало мая. Физкультура, опять же, на улице. А там вечно мячи за забор улетают, и злой физрук гоняет их искать. Вот один улетел. Белкин с Киреевой вызываются сбегать. Киреева бегать вообще-то не умеет, по нормативам у нее вечные тройки. Но тройка по физре у нее может быть единственной в аттестате, вот она и бежит – хочет себя проявить, хочет произвести впечатление.

Убегают. Возвращаются. Без мяча. Зато с классным журналом. Точнее, с его остатками. Синий такой, с расплавленной обложкой, с обуглившимися краями. Это было ритуальное сожжение. Весь 9-й «А» участвовал. И Киреева с Белкиным – тоже. Эти глумились с особым цинизмом. Сами рассказывали. Насте только не было тогда, она грипповала. Но вместе с журналом Киреева с Белкиным несут почему-то Настину тетрадку по литературе. Ту, которую Настя потеряла еще в ноябре.

– Глеб Егорыч, помните в первой четверти кипеш в школе был: в конце четверти журнал потерялся? Смотрите, мы его нашли. Видите, тут еще тетрадка Светловой. По литре. А у нее как раз тогда двойка же выходила...

Кабинет директора. За окном проливается небо. Навзрыд проливается, громко. Гроза.

«Люблю грозу в начале мая, – вспоминает Настя. – Не люблю совет по профилактике».

– Настя, объясни, зачем ты сожгла журнал, – нависает директриса.

– Я не трогала его, – вздыхает Настя. – Меня...

– Ага, подставили, – издевается социальный педагог, ее рот некрасиво дергается, а над губой еще бородавка – жуть.

– Я хотела сказать, что меня в тот день не было, я болела.

Настина мама смотрит на всех с мольбой и надеждой:

– Может, правда, болела? – тихо говорит она. – Настя много болела осенью.

– А откуда она тогда знает, в какой день пропал журнал? – нажимает Дрыкина. – Выгодно было только ей.

Настя молчит. Что ей, про Белкина с Киреевой рассказывать? Противно.

– Ну, мы сделали все, что могли, – резюмирует психолог.

– Да, что могли, – разводит руками директриса. – Подпишите протокол о переходе на семейное обучение.

– Но ведь... но ведь Настя пробные экзамены по физике и литературе сдала на отлично.

– Это случайность, – отрезает Дрыкина.

– А по математике сдала на два, – добавляет директриса.

– Я просто не успела переписать черновик, – устало объясняет Настя в сто первый раз. – Мне стало плохо тогда.

– Подпишите, – директриса подталкивает бумагу Настиной маме. Та, подавляя всхлип, ставит робкую закорючку.

Жалко ее. Всех жалко. Но себя жалче.

А Дмитрий Сергеевич на совет по профилактике, как и обещал, не пришел. Его уволили за две недели до совета. За неосторожный опыт с нитроглицерином, повлек-

ший материальный ущерб, и систематические прогулы педсоветов. Он пришел к Насте уже в больницу. Пришел сказать, что будет ее вытаскивать.

– За волосы? – спросила Настя, лежа под капельницей.

– Если надо, буду и за волосы, – сказал он.